

БУМ! — снова раздался грохот. Дадли вздрогнул и проснулся. — Где пушка? — с глупым видом спросил он. Позади них громко хлопнула дверь, отделявшая одну комнату от другой, и появился тяжело дышавший дядя Верной. В руках у него было ружье — так что теперь стало ясно, что лежало в том длинном пакете, о содержимом которого он никому не рассказывал. — Кто там? — крикнул дядя Вернон. — Предупреждаю, я вооружен! За дверью все стихло. И вдруг... ТРАХ! В дверь ударили с такой силой, что она слетела с петель и с оглушительным треском приземлилась посреди комнаты. В дверном проеме стоял великан. Его лицо скрывалось за длинными спутанными прядями волос и огромной клочковатой бородой, но зато были видны его глаза, маленькие и блестящие, как черные жуки. Великан протиснулся в хижину и пригнулся, но голова его все равно касалась потолка—уж слишком он был велик. Он наклонился, поднял дверь и легко поставил ее на место. Грохот урагана, доносившийся снаружи, сразу стал потише. Великан повернулся и внимательно оглядел всех, кто был в хижине. — Ну чего, может, чайку сделаете, а? Непросто до вас добраться, да... устал я... Великан шагнул к софе, на которой сидел застывший от страха Дадли. — Ну-ка подвинься, пузырь, — приказал незнакомцу. Дадли взвизгнул и, соскочив с софы, рванул к вышедшей из второй комнаты матери и спрятался за нее. Тетя Петунья в свою очередь шагнула за спину дяди Вернона и пугливо пригнулась, словно надеялась, что за мужем ее не будет видно. — А вот и наш Гарри! — удовлетворенно произнес великан. Гарри всмотрелся в свирепое, страшное лицо, скрытое волосами, и увидел, что глаза-жуки сузились в улыбке. — Когда я видел тебя в последний раз, ты совсем маленьким был, — сообщил великан. — А сейчас вон как вырос — и вылитый отец, ну один в один просто. А глаза материны. Дядя Вернон издал какой-то странный звук, похожий на скрип, и шагнул вперед. — Я требую, чтобы вы немедленно покинули этот дом, сэр! — заявил он. — Вы взломали дверь и вторглись в чужие владения! — Да заткнись ты, Дурсль! Великан протянул руку и, выдернув ружье из рук дяди Вернона, с легкостью завязал его в узел, словно оно было резиновое, а потом швырнул его в угол. Дядя Верной пискнул, как мышь, которой наступили на хвост. — Да... Гарри, — произнес великан, поворачиваясь спиной к Дурслям. — С днем рождения тебя, вот. Я тут тебе принес кой-чего... Может, там помялось слегка, я... э-э... сел на эту штуку по дороге... но вкус-то от этого не испортился, да? Великан запустил руку во внутренний карман черной куртки и извлек оттуда немного помятую коробку. Гарри взял ее дрожащими от волнения руками и поспешно открыл, хотя пальцы плохо слушались его. Внутри был большой липкий шоколадный торт, на котором зеленым кремом было написано: «С днем рождения, Гарри!» Гарри посмотрел на великана. Он хотел поблагодарить его за подарок, но слова благодарности потерялись по пути ко рту, и вместо этого он сказал совсем другое: — Вы кто? Великан хохотнул. — А ведь точно, я и забыл представиться. Рубеус Хагрид, смотритель и хранитель ключей Хогвартса. Он протянул огромную ладонь и, обхватив руку Гарри, энергично потряс ее. — Ну так чего там с чаем? — спросил он, потирая руки. — Я... э-э... и от чего-нибудь покрепче не отказался бы, если... э-э... у вас есть. Взгляд великана упал на пустой камин, в котором тоскливо лежали сморщенные пакетики из-под чипсов. Великан презрительно фыркнул и нагнулся над камином — никто не видел, что он там делает, но когда через секунду великан отодвинулся, в камине полыхал яркий огонь. Мерцающий свет залил сырую хижину, и Гарри сразу почувствовал себя так, словно залез в горячую ванну. Гигант сел обратно на софу, прогнувшись под его весом, и начал опорожнять карманы, которых в его куртке было великое множество. На софе появились медный чайник, мятая упаковка сосисок, чайник для заварки, кочерга, несколько кружек с выщербленными краями и бутылка с какой-то янтарной жидкостью, к которой он приложился, прежде чем приступить к работе. Вскоре хижина наполнилась запахом жарящихся сосисок, весело шипящих на огне. Никто не двинулся с места и не сказал ни слова, пока великан готовил еду, но как только он снял с кочерги шесть нанизанных на нее сосисок — жирных, сочных, чуть поджаренных сосисок, — Дадли беспокойно завертелся. — Что бы он ни предложил, Дадли, я запрещаю тебе это брать, — резко произнес дядя Вернон. Великан мрачно усмехнулся. — Да ты чего разволновался-то, Дурсль? — насмешливо спросил Он. — Да мне бив

голову не пришло его кормить — вон он у тебя жирный-то какой. Он протянул сосиски Гарри, который был так голоден, что проглотил их в мгновение ока, думая о том, что в жизни не ел ничего вкуснее. Но даже наслаждаясь сосисками, он не сводил глаз с великана. И наконец решился задать вопрос, который, кроме него, кажется, никто задавать не собирался. — Извините, но я до сих пор не знаю, кто вы такой, — вежливо произнес Гарри. Великан сделал глоток чая и вытер рукой блестящие от жира губы. — Зови меня Хагрид, — просто ответил он. — Меня так все зовут. А вообще я ж тебе уже вроде все про себя рассказал — я хранитель ключей в Хогвартсе. Ты, конечно, знаешь, что это за штука такая, Хогвартс? — Э-э-э... Вообще-то нет, — робко выдавил из себя Гарри. У Хагрида был такой вид, словно его обдали холодной водой. — Извините, — быстро сказал Гарри. — Извините?! — рявкнул Хагрид и повернулся к Дурслям, которые спрятались в тень. — Это им надо извиняться! Я... э-э... знал, что ты наших писем не получил, но чтобы ты вообще про Хогвартс не слышал? Не любопытный ты, выходит, коль ни разу не спросил, где родители твои всему научились... — Научились чему? — непонимающе переспросил Гарри. — ЧЕМУ?! — прогрохотал Хагрид, вскакивая на ноги. — Ну-ка погоди, разберемся сейчас! Казалось, разъяренный великан стал еще больше и заполнил собой всю хижину. Дурели съежились от страха у дальней стены. — Вы мне тут чего хотите сказать? — прорычал он, обращаясь к Дурслям. — Что этот мальчик—этот мальчик! — ничегошеньки и не знает о том, что... Ничего не знает **ВООБЩЕ**? Гарри решил, что великан зашел слишком далеко. В конце концов он ходил в школу и не так уж плохо учился. — Кое-что я знаю, — заявил он. — Математику, например, и всякие другие вещи. Но Хагрид просто отмахнулся от него. — Я ж не об этом... а о том, что ты о нашем мире ничего не знаешь. О твоём мире. О моём мире. О мире твоих родителей. — Каком мире? — непонимающе переспросил Гарри. У Хагрида был такой вид, словно он вот-вот взорвется. — **ДУРСЛЬ!** — прогремел он. Дядя Вернон, побледневший от ужаса, что-то неразборчиво прошептал. Хагрид отвернулся от него и посмотрел на Гарри полубезумным взглядом. — Но ты же знаешь про своих родителей... ну, кто они были? — с надеждой спросил он. — Да точно знаешь, не можешь ты не знать... к тому же они не абы кто были, а люди известные. И ты... э-э... знаменитость. — Что? — Гарри не верил своим ушам. — Разве мои мама и папа... разве они были известными людьми? — Значит, ты не знаешь... Ничегошеньки не знаешь... — Хагрид дергал себя за бороду, глядя на Гарри изумленным взглядом. — Ты чего, не знаешь даже, кто ты такой есть? — наконец спросил он. Дядя Вернон внезапно обрел дар речи. — Прекратите! — скомандовал он. — Прекратите немедленно, сэр! Я запрещаю вам что-либо рассказывать мальчику! Хагрид посмотрел на него с такой яростью, что даже куда более храбрый человек, чем дядя Вернон, сжался бы под этим взглядом. А когда Хагрид заговорил, то казалось, что он делает ударение на каждом слове. — Вы что, никогда ему ничего не говорили, да? Никогда не говорили, что в том письме было, которое Дамблдор написал? Я ж сам там был, у дома вашего, этими вот глазами видел, как Дамблдор письмо в одеяло положил! А вы, выходит, за столько лет ему так и не рассказали ничего, прятали все от него, да? — Прятали от меня что? — поспешно поинтересовался Гарри. — **ПРЕКРАТИТЕ! Я ВАМ ЗАПРЕЩАЮ!** - нервно заверещал дядя Вернон. Тетя Петунья глубоко вдохнула воздух с таким видом, словно ужасно боялась того, что последует за этими словами. — Эй, вы, пустые головы, сходите вон проветритесь, может, полегчает, — посоветовал им Хагрид, поворачиваясь к Гарри. — Короче так, Гарри, ты волшебник, понял? В доме воцарилась мертвая тишина, нарушаемая лишь отдаленным шумом моря и приглушенным свистом ветра. — Я кто? — Гарри почувствовал, что у него отвисла нижняя челюсть. — Ну, ясное дело кто — волшебник ты. — Хагрид сел обратно на софу, которая протяжно застонала и просела еще ниже. — И еще какой! А будешь еще лучше... когда немного... э-э... подучишься, да. Кем ты еще мог быть, с такими-то родителями? И вообще пора тебе письмо свое прочитать. Гарри протянул руку и наконец-то, после стольких ожиданий, в ней оказался желтоватый конверт, на котором изумрудными чернилами было написано, что данное письмо адресовано мистеру Поттеру, который живет в хижине, расположенной на скале посреди моря, и спит на полу. Гарри вскрыл конверт, вытащил письмо и прочитал:

ШКОЛА ЧАРОДЕЙСТВА И ВОЛШЕБСТВА «ХОГВАРТС» Директор: Альбус Дамблдор (Кавалер ордена Мерлина I степени, Великий волшебник, Верховный, чародей, Президент Международной конфедерации магов) Дорогой мистер Поттер! Мы рады проинформировать Вас, что Вам предоставлено место в Школе чародейства и волшебства «Хогвартс». Пожалуйста, ознакомьтесь с приложенным к данному письму списком необходимых книг и предметов. Занятия начинаются 1 сентября. Ждем вашу сову не позднее 31 июля. Искренне Ваша, Минерва МакГонагалл, заместитель директора! Гарри показалось, что у него в голове устроили фейерверк Вопросы, один ярче и жарче другого, взлетали в воздух и падали вниз, а Гарри все никак не мог решить, какой задать первым. Прошло несколько минут, прежде чем он неуверенно выдавил из себя: — Что это значит: они ждут мою сову? — Клянусь Горгоной, ты мне напомнил кое о чем, — произнес Хагрид, хлопнув себя по лбу так сильно, что этим ударом вполне мог бы сбить с ног лошадь. А затем запустил руку в карман куртки и вытащил оттуда сову — настоящую, живую и немного взъерошенную, — а также длинное перо и свиток пергамента. Хагрид начал писать, высунув язык, а Гарри внимательно читал написанное: Дорогой мистер Дамблдор! Передал Гарри его письмо. Завтра еду с ним, чтобы купить все необходимое. Погода ужасная. Надеюсь, с вами все в порядке. Хагрид! Хагрид скатал свиток, сунул его сове в клюв, подошел к двери и вышвырнул птицу туда, где бушевал ураган. Затем вернулся и сел обратно на софу. При этом вид у него был такой, словно сделал он что-то совершенно обычное, например поговорил по телефону. Гарри вдруг понял, что сидит с открытым ртом, и быстро захлопнул его. — Так на чем мы с тобой остановились? — спросил Хагрид. В этот момент из тени вышел дядя Вернон. Лицо его все еще было пепельно-серым от страха, но на нем отчетливо читалась злость. — Он никуда не поедет, — сказал дядя Вернон. Хагрид хмыкнул. — Знаешь, хотел бы я посмотреть, как такой храбрый маг, как ты, его остановит... — Кто? — с интересом переспросил Гарри. — Маг, — пояснил Хагрид — Так мы называем всех неволшебников — маглы. Да, не повезло тебе... ну в том плане, что хуже маглов, чем эти, я в жизни не видал. — Когда мы взяли его в свой дом, мы поклялись, что положим конец всей этой ерунде, — упрямо продолжил дядя Вернон, — что мы вытравим и выбьем из него всю эту чушь! Тоже мне волшебник! — Так вы знали? — недоверчиво спросил Гарри. — Вы знали, что я... что я волшебник? — Знали ли мы?! — внезапно взвизгнула тетя Петунья. — Знали ли мы? Да, конечно, знали! Как мы могли не знать, когда мы знали, кем была моя чертова сестрица! О, она в свое время тоже получила такое письмо и исчезла, уехала в эту школу и каждое лето на каникулы приезжала домой, и ее карманы были полны лягушачьей икры, а сама она все время превращала чайные чашки в крыс. Я была единственной, кто знал ей цену, — она была чудовищем, настоящим чудовищем! Но не для наших родителей, они-то с ней сюсюкались — Лили то, Лили это! Они гордились, что в их семье есть своя ведьма! Она замолчала, чтобы перевести дыхание, и после глубокого вдоха разразилась не менее длинной и гневной тирадой. Казалось, что эти слова копились в ней много лет, и все эти годы она хотела их выкрикнуть, но сдерживалась, и только теперь позволила себе выплеснуть их наружу. — А потом в школе она встретила этого Поттера, и они уехали вместе и поженились, и у них родился ты. И конечно же я знала, что ты будешь такой же, такой же странный, такой же... ненормальный! А потом она, видите ли, взорвалась, а тебя подсунули нам! Гарри побледнел как полотно. Какое-то время он не мог произнести ни слова, но потом дар речи снова вернулся. — Взорвалась? — спросил он. — Вы же говорили, что мои родители погибли в автокатастрофе! — АВТОКАТАСТРОФА?! — прогремел Хагрид и так яростно вскочил с софы, что Дурсли попятиться обратно в угол. — Да как могла автокатастрофа погубить Лили и Джеймса Поттеров? Ну и ну, вот дела-то! Вот это да! Да быть такого не может, чтоб Гарри Поттер ничего про себя не знал! Да у нас его историю любой ребенок с пеленок знает! И родителей твоих тоже! — Но почему? — В голосе Гарри появилась настойчивость. — И что с ними случилось, с мамой и папой? Ярость сошла с лица Хагрида. На смену ей вдруг пришла озабоченность. — Да, не ждал я такого, — произнес он низким, взволнованным голосом. — Дамблдор меня предупреждал, конечно, что непросто будет... ну... забрать тебя у этих... Но я и подумать не

мог, что ты вообще ничего не знаешь. Не я, Гарри, должен бы рассказать тебе обо всем... э-э... но кто-то ж должен, так? Ну не можешь ты ехать в Хогвартс, не зная, кто ты такой. Он мрачно посмотрел на Дурслей. — Что ж, думаю, что будет лучше, если я тебе расскажу., н-ну.. то, что могу, конечно, а могу не все, потому как., э-э... загадок много осталось, непонятного всякого... Он снова сел и уставился на огонь. — Наверное, начну я... с человека одного, — произнес Хагрид через несколько секунд. — Нет, поверить не могу, что ты про него не знаешь, — его в нашем мире все знают... — А кто он такой? — спросил Гарри, не дав Хагри-ду замолчать и уйти в себя. — Ну.. Я вообще-то не люблю его имя произносить. Никто из наших не любит. — Но почему? — Клянусь драконом, Гарри, люди все еще боятся, вот почему. А, чтоб меня, нелегко все это... Короче, был там один волшебник, который... который стал плохим. Таким плохим, каким только можно стать. Даже хуже. Даже еще хуже, чем просто хуже. Звали его... Хагрид задохнулся от волнения и замолк — Может быть, вы лучше напишете это имя? — предложил Гарри. — Нет... не знаю я, как оно пишется. Ну ладно... э-э.. Волан-де-Морт, — выдавил наконец Хагрид, пере дернувшись. — И больше не проси меня, ни за что не; повторю. В общем, этот волшебник лет так... э-э. двадцать назад начал себе приспешников искать. И нашел ведь. Одни пошли за ним, потому что испугались, другие подумали, что он властью с ними поделится. А власть у него была ого-го, и чем дальше, тем больше ее становилось. Темные были дни, да. Никому нельзя было верить. Жуткие вещи творились. Побеждал он, понимаешь. Нет, с ним, конечно, боролись, а он противников убивал. Ужасной смертью они умирали. Даже мест безопасных почти не осталось... разве что Хогвартс, да! Я так думаю, что Дамблдор был единственный, кого Ты-Знаешь-Кто боялся. Потому и на школу напасть не решился... э-э... тогда, по крайней мере. А твои мама и папа — они были лучшими волшебниками, которых я в своей жизни знал. Лучшими учениками школы были, первыми в выпуске. Не пойму, правда, чего Ты-Знаешь-Кто их раньше не попытался на свою сторону перетянуть... Знал, наверное, что они близки с Дамблдором, потому на Темную сторону не пойдут. А потом подумал: может, что их убедит... А может, хотел их... э-э... с дороги убрать, чтоб не мешали. В общем, никто не знает. Знают только, что десять лет назад, в Хэллоуин, он появился в том городке, где вы жили. Тебе всего год был, а он пришел в ваш дом и... и... Хагрид внезапно вытащил откуда-то грязный, покрытый пятнами носовой платок и высморкался громко, как завывшая сирена. — Ты меня извини... плохой я рассказчик, Гарри, — виновато произнес Хагрид. — Но так грустно это... я ж твоих маму с папой знал, такие люди хорошие, лучше не найти, а тут... В общем, Ты-Знаешь-Кто их убил. А потом — вот этого вообще никто понять не может— он и тебя попытался убить. Хотел, чтобы следов не осталось, а может, ему просто нравилось людей убивать. Вот и тебя хотел, а не вышло, да! Ты не спрашивал никогда, откуда у тебя этот шрам на лбу? Это не порез никакой. Такое бывает, когда злой и очень сильный волшебник на тебя проклятие насылает. Так вот, родителей твоих он убил, даже дом разрушил, а тебя убить не смог. Поэтому ты и знаменит, Гарри. Он если кого хотел убить, так тот уже не жилец был, да! А с тобой вот не получилось. Он таких сильных волшебников убил — МакКиннонов, Боунзов, Прюиттов, а ты ребенком был, а выжил. Хагрид замолчал, а Гарри вдруг ощутил резкую головную боль. Перед его глазами отчетливо возникла знакомая картина из прошлого, только теперь ослепительная вспышка зеленого света была гораздо ярче. И заодно он вспомнил кое-что еще, то, что никогда раньше не всплывало в его памяти, — громкий, ледяной, беспощадный смех. Хагрид с грустью наблюдал за ним. — Я тебя вот этими руками из развалин вынес, Дамблдор меня туда послал. А потом я привез тебя этим... — Вздор и ерунда! — донесся из угла голос дяди Вернона. Гарри аж подпрыгнул от неожиданности — он совсем забыл про Дурслей. Но Дурели про него не забыли. Особенно дядя Верной, к которому, кажется, вернулась смелость — он сжимал кулаки и яростно смотрел на Хагрида. — Послушай меня, мальчик, — прорычал дядя Верной. — Я допускаю, что ты немного странный, хотя, возможно, хорошая порка вылечила бы тебя раз и навсегда. Твои родители действительно были колдунами, но, как мне кажется, без них мир стал спокойнее. Они сами напросились на то, что получили, только и общались что с этими волшебниками, этого следовало ожидать, я знал, что они плохо кончат... Не успел он

договорить, как Хагрид спрыгнул с софы, вытащил из кармана потрепанный розовый зонтик и наставил на дядю Вернона, словно шпагу. — Я тебя предупреждаю, Дурсль, я тебя в последний раз предупреждаю: еще раз рот откроешь... Видимо, дядя Вернон представил себе, как этот великан с легкостью нанизывает его на свой зонтик, и его смелость сразу испарилась — он прижался к стене и замолчал. — Так-то лучше. — Хагрид тяжело вздохнул и сел обратно на софу, которая на этот раз прогнулась до самого пола. На языке у Гарри вертелись самые разные вопросы. Сотни вопросов. — А что случилось с Волан... извините, с тем Вы-Знаете-Кем? — Хороший вопрос, Гарри. Исчез он. Растворился. В ту самую ночь, когда тебя пытался убить. Потому ты и стал еще знаменитее. Я тебе скажу, это самая что ни на есть настоящая загадка... Он все сильнее и сильнее становился и вдруг исчез, и... эта... непонятно почему. Кой-кто говорит, что умер он. А я считаю, чушь все это, да! Думаю, в нем ничего человеческого не осталось уже... а ведь только человек может умереть. А кто-то говорит, что он все еще тут где-то, поблизости, просто прячется... э-э... своего часа ждет, но я так не думаю. Те, кто с ним был, — они на нашу сторону перешли. Раньше ведь они... эта... как заколдованные были, а тут проснулись. Вряд ли бы так вышло, будь он где-то рядом, да! Хотя большинство людей думают: он где-то тут, только силу свою потерял. Слишком слабый стал, чтоб дальше бороться и все завоевать. В тебе было что-то, Гарри, что его... э-э... сломало. Чтой-то приключилось той ночью, чего он не ждал, не знаю что, да и никто не знает... но сломал ты его, это точно. Во взгляде Хагрида светились тепло и уважение. Но Гарри, вместо того чтобы почувствовать себя польщенным и возгордиться, с ужасом осознал, что все это ужасная ошибка. Волшебник? Он, Гарри Поттер, волшебник? Всю жизнь его шпынял Дадли и притесняли дядя Верной и тетя Петунья, а если он волшебник, то почему они не превращались в бородавчатых черепах всякий раз, как запирали его в чулане? Если когда-то он смог победить величайшего мага в мире, почему Дадли всегда пинал его и гонял по школе и по всему дому, как футбольный мяч? — Хагрид, — тихо произнес Гарри. — Боюсь, что вы ошибаетесь. Я не думаю, что я волшебник... что я смогу стать волшебником. К его удивлению, Хагрид рассмеялся. — Значит, не волшебник? И никогда с тобой ничего такого не было, когда ты злился или огорчался? Гарри уставился в огонь. Хагрид натолкнул его на важную мысль. Ведь если подумать... Все те странные вещи, происходившие с ним и неизменно приводившие в ярость тетю Петунью и дядю Вернона, все они случались, когда он был огорчен или разозлен. Например, когда за ним гналась банда Дадли, а он смог ускользнуть от них, оказавшись на крыше школьной столовой... Или когда тетя Петунья остригла его почти наголо, и он с ужасом думал о том, как завтра появится в школе, — разве ему не удалось заставить волосы отрасти за одну ночь?... А взять самый последний случай, когда Дадли ударил его в террариуме, а он, сам того не подозревая, напустил на Дадли бразильского удава-Гарри улыбнулся, посмотрел на Хагрида и заметил, что лицо великана просияло. — Ну что, убедил я тебя теперь, да? А говоришь, что Гарри Поттер не волшебник. погоди, ты скоро в Хогвартсе самым знаменитым учеником станешь. И тут снова подал голос дядя Верной «- видимо, испуг прошел, и он решил, что не сдастся без боя. — Разве я не сказал вам, что он никуда не поедет? — прошипел дядя Верной. — Он пойдет в школу «Хай Камероне», и он должен быть благодарен нам за то, что мы его туда определили. Я читал эти ваши письма — про то, что ему нужна целая куча всякой ерунды, вроде книг заклинаний и волшебных палочек.. — Если он захочет там учиться, то даже такому здоровенному маглу как ты, его не остановить, понял? — прорычал Хагрид — Помешать сыну Лили и Джеймса Поттеров учиться в Хогвартсе — да ты свихнулся, что ли?! Он родился только, а его тут же записали в ученики, да! Лучшей школы чародейства и волшебства на свете нет... и он в нее поступит, а через семь лет сам себя не узнает. И жить он там будет рядом с такими же, как он, а это уж куда лучше, чем с вами. А директором у него будет самый великий директор, какого только можно представить, сам Альбус Да... - Я НЕ БУДУ ПЛАТИТЬ ЗА ТО, ЧТОБЫ КАКОЙ-ТО ОПОЛОУМЕВШИЙ СТАРЫЙ ДУРАК УЧИЛ ЕГО ВСЯКИМ ФОКУСАМ! — прокричал дядя Верной. Тут он зашел слишком далеко. Хагрид схватил свой зонтик, завертел им над головой, а его голос загремел словно гром. - НИКОГДА... НЕ ОСКОРБЛЯЙ... ПРИ МНЕ... АЛЬ-

БУСАДАМБЛДОРА! Зонтик со свистом опустился и своим острием указал на Дадли. Потом вспыхнул фиолетовый свет, и раздался такой звук, словно взорвалась петарда, затем послышался пронзительный визг, а в следующую секунду Дадли, обхватив обеими руками свой жирный зад, затанцевал на месте, вереща от боли. Когда он повернулся к Гарри спиной, тот заметил, что на штанах Дадли появилась дырка, а сквозь нее торчит пороссячий хвостик. Дядя Верной, с ужасом посмотрев на Хагрида, громко закричал, схватил тетю Петунью и Дадли, втолкнул их во вторую комнату и тут же с силой захлопнул за собой дверь. Хагрид посмотрел на свой зонтик и почесал бороду. — Зря я так., совсем уж из себя вышел, — сокрушенно произнес он. — И ведь не получилось все равно. Хотел его в свинью превратить, а он, похоже, и так уже почти свинья, вот и не вышло ничего... Хвост только вырос... Он нахмурил кустистые брови и боязливо покосился на Гарри. — Просьба у меня к тебе: чтоб никто в Хогвартсе об этом не узнал. Я... э-э... нельзя мне чудеса творить, если по правде. Только немного разрешили, чтобы за тобой мог съездить и письмо тебе передать. Мне еще и поэтому такая работа по душе пришлось... ну и из-за тебя, конечно. — А почему вам нельзя творить чудеса? — поинтересовался Гарри. — Ну... Я же сам когда-то в школе учился, и меня... э-э... если по правде, выгнали. На третьем курсе я был. Волшебную палочку мою... эта... пополам сломали, и все такое. А Дамблдор мне разрешил остаться и работу в школе дал. Великий он человек, Дамблдор. — А почему вас исключили? — Поздно уже, а у нас делов завтра куча, — уклончиво ответил Хагрид. — В город нам завтра надо, книги тебе купить, и все такое. И эта... давай на «ты», нечего нам с тобой «выкать», мы ж друзья. Он стащил с себя толстую черную крутку и бросил ее к ногам Гарри. — Под ней теплее будет. А если она... э-э... шевелиться начнет, ты внимания не обращай — я там в одном кармане пару мышей забыл. А в каком — не помню...

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/101025/3465391>